

Ефрем РЯБОВ

«И там Кастанье, и тут Кастанье...»

Книга «Басмачи» и ее автор

В 1925 году в Париже на французском языке вышла книга Жозефа Кастанье (1875–1958) «Басмачи» об антисоветских повстанцах, действовавших на территории советской Средней Азии в период с конца 1917-го и по 1924 год.

Кастанье писал свой труд, вернувшись в 1920 году во Францию из Советской России, по материалам советской и парижской русскоязычной прессы. Автору удалось выдержать политически неангажированный взгляд на события, недавним свидетелем которых он был, и продемонстрировать объективности профессионального историка, хотя по образованию и опыту работы он был преподавателем французского языка, а по увлечениям – археологом-любителем и коллекционером туркестанских древностей. Даже удивительно, как его фактографическая книга не была напечатана в каком-нибудь издательстве раннего СССР в период относительной цензурной свободы. Возможно, советское партийное руководство боялось, что по книге Кастанье «Басмачи» можно было увидеть, как мелкий послереволюционный бандитизм с анархическим уклоном вскоре перерос в антисоветские выступления, а затем и вовсе вырос до национального движения.

Но в начале несколько слов об авторе. В двадцать три года французский преподаватель-лингвист приехал в Россию и начал карьеру гимназического учителя французского языка в Пятигорске. Затем он удачно женится на дочери оренбургского казачьего полковника А.В. Немирова и в 1901 году с семьей переезжает в Оренбург. Одиннадцать лет он преподает в мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе, растет в чинах и получает орден Св. Станислава третьей степени. Параллельно он работает архивистом, археологом, хранителем музея и становится членом Оренбургского отделения Русского Императорского географического общества. Дослужившись в 1908 году до коллежского асессора, Кастанье приобретает право на личное дворянство в России. В 1912 году он, сославшись на

ревматизм, просит перевести его по службе в Ташкент. Прошение было удовлетворено, и он стал преподавать французский язык в реальном училище и кадетском корпусе. Через год туркестанский генерал-губернатор Александр Самсонов удовлетворил его просьбу о переходе в российское подданство, и Жозеф-Антуан на четыре предреволюционных года становится на законных основаниях Иосифом Антоновичем. В 1912 году Кастанье по совокупности публикаций принимается в члены Туркестанского кружка любителей археологии, а через год он уже в рядах Туркестанского отдела Русского Императорского географического общества. Затем получает вторую государственную награду – орден Св. Анны четвертой степени. Блестящая гражданская карьера французского разведчика, так сказать, «под прикрытием» должности преподавателя и археолога-любителя!

Резкий слом в биографии Кастанье происходит в октябре 1917-го года. Он отказывается от подданства развалившейся Российской империи и возвращает себе и семье французское гражданство. Преподавать французский язык ему уже было негде: реальное училище и кадетский корпус в Ташкенте были закрыты. Вести археологические раскопки в отдаленных местностях означало рисковать жизнью. Кастанье предусмотрительно отправляет семью во Францию. Биографы пишут, что он в это смутное время выполнял отдельные поручения МИДа Франции¹. Трудно представить, как Кастанье мог осуществлять это: дипломатические отношения между Советской Россией и Францией были прерваны сразу же после Октябрьской революции, в декабре 1918 года началась интервенция Франции на юге России. Положение французских граждан в РСФСР становилось двусмысленным, их могли просто-напросто интернировать.

Бывшие союзники Российской империи торопливо делили между собой охваченную анархией страну. 12 августа 1918 года английские войска вторглись в пределы Туркестанской АССР; одновременно в Ташкенте подпольная Туркестанская военная организация готовила мятеж, рассчитывая на помощь англичан. Осенью ташкентские чекисты вышли на след белогвардейских конспираторов. За Кастанье была также установлена слежка, готовился его арест. Английский разведчик полковник Фредерик Бейли свидетельствует:

Был в городе французский археолог Кастанье, с которым я встречался несколько раз случайно. За некоторое время до моего ареста я слышал от Мандича², что Кастанье собираются арестовать и предупредил его, но не имел понятия, принял ли он какие-то меры предосторожности. Он был знакомым моей доброй хозяйки, и я встретил его здесь в доме, должен признаться отчасти к своему ужасу. Выяснилось, что он также скрывался. <...> Тогда образовался социальный круг людей, находящихся в бегах, и я встретил некоторых других беженцев, как мы назывались по-русски. Мы даже не представлялись друг другу по именам. Я так опасался в этом своем укрытии быть узнанным Кастанье, что, когда он пришел снова пару дней спустя, ему сказали, что я покинул Ташкент. Я надеюсь, что он простил меня за обман³.

Итак, Бейли не доверяет французам, но в то же время он для него не чужой: стороннего человека английский разведчик не стал бы предупреждать о грозящей ему опасности.

Кастанье удалось затеряться в Ферганской долине. Некоторые биографы пишут, что он скрывался в центральной России. Однако с июля 1918 года Оренбург был под казаками Дутова, и железная дорога, связывающая Ташкент с Россией, была перекрыта. Да и Бейли в своих мемуарах косвенно указывает, что Кастанье был в Ферганской долине⁴.

В «Отчете Кашгарской миссии, 1918–1920» Бейли пишет о Кастанье совсем уж откровенно:

Также было несколько французов, с которыми я имел дело. Один был господин Кастанье, археолог, которого заставили спрятаться вскоре после моего приезда. Он очень успешно занимался пересылкой военнопленных из Эльзаса во Францию. Я дал ему денег, когда он вынужден был скрываться. Сейчас он свободен и занимает пост в отделе снабжения при большевистском правительстве⁵.

И здесь же необъяснимая тайна: незадолго до Осиповского мятежа 19 января 1919 года Кастанье переходит на нелегальное положение. За ним установлена слежка, и ташкентские чекисты готовят его арест. Ему каким-то образом удается скрыться из Ташкента в Ферганской долине и почти год существовать там на деньги английской разведки. Чем он там занимался, где проживал, с кем сотрудничал и поддерживал связи? И как ему удалось вернуться в Ташкент, легализоваться там и устроиться на работу в советские учреждения? Каким образом ташкентские чекисты закрыли на него дело?

Бейли указывает, что Кастанье был принят на работу в некий отдел снабжения. Но документально подтверждается, что Кастанье в январе 1920 года был назначен заместителем главноуправляющего ЦУАРДЕЛа (Центрального управления архивных дел) Туркестанской АССР Дмитрия Нечкина и уполномоченным ЦУАРДЕЛа по Ташкенту. В более поздние советские времена такая должность подразумевала особый допуск к секретным документам. Светлана Горшенина в статье «Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье» пишет, что Кастанье совмещал работу в ЦУАРДЕЛе с должностью военного цензора штаба Туркфронта, о чем он сам повествует в записках. До личного знакомства с уроженцем Пишпека, командующим Туркфронтом Михаилом Фрунзе военному цензору Кастанье оставался один шаг. Фрунзе, как известно, лояльно относился к военспецам. Среди штабистов Туркестанской АССР можно найти фамилии царских полковников ташкентцев Петра Благовещенского и Валериана Дунина-Барковского, однокурсников по Николаевской академии генштаба... Но пути командующего Туркфронтом и Кастанье расходятся: Фрунзе уехал руководить Бухарской операцией, а Кастанье, бросив все свои высокие советские должности, взял курс на Париж. В сентябре 1920 года он вполне официально выезжает во Францию.

На этом русско-советский период в биографии Кастанье заканчивается. В 1925 году, когда выходят «Басмачи», Кастанье становится кавалером ордена Почетного легиона, высшей награды Франции, по представлению Жоржа-Этьена Бонне, шефа службы архива и шифровки в МИДе Франции, иными словами – главы мидовской разведки Франции. Надо подразумевать, что Кастанье был награжден по совокуп-

ности заслуг, то есть не только за преподавание французского языка и статьи по туркестанской археологии.

Кастанье уехал, но память о нем в Туркестане сохранилась. Впервые о нем упомянул советский писатель Бруно Ясенский (1901–1938) в своем романе «Человек меняет кожу», опубликованном в СССР в 1933 году. Звучало это так:

Подробные сведения о миссии (Бейли. – Е.Р.) сообщает агент «Интеллидженс сервис», активный участник революционной военной организации, бывший преподаватель французского языка в Ташкенте И. Кастанье в своей книге «Басмачи» (на французском языке), выпущенной в Париже (изд. Эрнст Леру): «Антибольшевистская организация Ташкента, усиленная этой поддержкой, вошла в переговоры с некоторыми влиятельными туземцами Ташкента и через них завязала связь с басмаческими начальниками. Эти переговоры, в которых приняло участие английское правительство, происходили в сентябре 1918 года. Они были основаны на следующих обязательствах: 1) басмаческие отряды поступают на службу антибольшевистской организации Ташкента; 2) организация обязана снабжать басмачей провиантом; 3) представители английского правительства обязаны снабжать антибольшевистскую организацию деньгами, оружием и припасами. Союз был заключен. Связь была налажена как с басмаческими организациями, так и с мистером Эсертоном (вариант транслитерации фамилии Etherton – Е.Р.), английским консулом в Кашгарии. Такого же рода связь через посыльных агентов была налажена и с белогвардейской армией в Сибири и Оренбурге, откуда было получено предложение организовать восточную конфедерацию, в которую вошел бы и Туркестан»⁶.

Ясенский дает французу характеристику антисоветчика и прямо утверждает, что американский инженер Мурри – это английский разведчик Бейли.

Американские издатели перевели роман на английский язык и напечатали в США. Прошла волна недоумения: каким образом английский полковник Бейли получил американский паспорт на имя инженера Мурри? Почему этот человек занимался диверсиями на плотинах? Да и сам Бейли отрицал, что после 1920 года посещал СССР.

Ясенскому пришлось снабжать роман послесловием в виде открытого письма разведчику Бейли. Получилось еще хуже. Каким образом писатель, ко времени написания романа всего два года живший в СССР, так глубоко вник в туркестанские разведдела? Возникло подозрение, что документальную вставку в роман и открытое письмо Бейли написал другой человек. Ясенский его имя не называет, но вводит его в роман как информатора под инициалами:

Мне удалось разыскать двух чекистов, присутствовавших при аресте полковника Бейли: товарищей А.С. и М.В. На мой вопрос, не было ли у полковника Бейли каких-либо особых примет, товарищ А.С. вспомнил, что полковник Бейли был левшой⁷.

Ясенский слишком прозрачно зашифровал имена своих информаторов. Ими были ташкентский милиционер 1918-1919-ых годов Василий Маслов (М.В.) и Андрей Станишевский (А.С.), ставший позднее писателем (под псевдонимом «Азиз Ниалло») и полковником КГБ. Станишевский вполне мог охарактеризовать Ка-

станье как разведчика, действовавшего под видом преподавателя французского языка.

Личность и деятельность Кастанье заинтриговали еще одного советского писателя – Юрия Домбровского. С тенью Кастанье Домбровский, или его альтер эго, столкнулся сразу же после начала работы в алматинском музее в 1933 году:

А предшественники у меня были знатные. То и дело, например, попадалась фамилия Кастанье. «Из сборов Кастанье», «Из коллекции Кастанье», «Описано Кастанье», «Смотри рисунок в монографии Кастанье» и так далее. Этим человеком я заинтересовался уже намного позже. Тогда же мне просто было от него некуда деваться. Сколько он насобирал камней! И там Кастанье, и тут Кастанье, и везде один и тот же Иосиф Антонович Кастанье – «ученый секретарь Оренбургской архивной комиссии» (так он подписывался под своими статьями). «Преподаватель французского языка в Оренбургской гимназии» (так в одной строчке сообщил о нем Венгеров). Этими титулами, пожалуй, исчерпывается и все, что я о нем знаю. Да и только ли я один? И никто ничего не знал о Кастанье. Много позже мне пришлось просмотреть с добрую сотню словарей и библиографических справочников, я ни в одном из них не нашел упоминания нем. Так я и не знаю, когда он родился, когда умер и даже какая цена его книгам. Знаю только, что был он подвижен и энергичен необычайно. Семиречью предан фанатично. Куда он только не совался с ним! В Париж, в Музей человека, где он вручил «великому Мортилье» доклад о каменных бабах; в Тулузу, где он говорил о них же со «знаменитым Картальяком»; в Мадрид, где он в археологическом музее изучал иберийские надгробья. В Берлин, на Корсику, в Тунис на развалины Карфагена. Все идеи и образы мировой истории, осевшие золотом, мрамором, гранитом и бронзой, этот человек хотел привлечь для того, чтобы они объяснили ему, что же такое каменные бабы его родных степей. Ничего из этого, конечно, не вышло. Карфаген и царство инков только вконец запутывали дело. <...> Но, как теперь сказали бы, краеведом Кастанье был первоклассным: внимательным, знающим, рьяным, из тех, для кого история действительно была музой. О чем он только ни писал, что только ни описывал, в каком только уголке степи ни побывал и какие только истории с таинственными подземельями и скелетами с ним не случались! Писал он и о надгробных памятниках, и о сирийских надгробьях, и о неолитических стоянках, и о свастике, и бог знает еще о чем⁸.

Роман Домбровского «Хранитель древностей» напечатали в журнале «Новый мир». Однако вскоре Домбровскому пришлось вернуться к личности Кастанье; он даже написал статью «Кто же вы, Жозеф Кастанье?», опубликованную в «Казахстанской правде» 15 августа 1965 года⁹.

После выхода романа, как пишет в этой статье Домбровский, в редакцию журнала пришло читательское письмо, обвинявшее Домбровского в том, что тот «делает вид, будто не знает, какими эпитетами честит этого Кастанье Бруно Ясенский в своем романе “Человек меняет кожу”»¹⁰. Далее шла цитата из романа, в которой Кастанье был назван агентом «Интеллидженс Сервис», активным участником контрреволюционной организации, автор книги «Басмачи»...

К сожалению, Домбровский не приводит фамилию автора письма: вероятно, оно было анонимным. Но можно предположить, кто мог быть хранителем информации, выплеснутой на «хранителя древностей». Скорее всего, это был писатель Азиз Ниалло, он же полковник КГБ Станишевский. Из дотошных читателей, про-

листавших этот роман, вряд ли кто-то мог вспомнить имя Кастанье, единожды проскользнувшее в документальной вставке.

После письма в журнал «Новый мир» Домбровский загорелся желанием прочесть книгу Кастанье «Басмачи», что было не так-то просто с учетом цензурно-охранительских норм СССР. И вот, после долгих поисков, которые, по признанию Домбровского, «изрядно перепортили ему крови» (книги не оказалось ни в одной московской библиотеке), он, наконец, получил книгу от кого-то из зарубежных коллег. Ознакомившись с ней, Домбровский обнаружил, что она не содержит ничего собственно антисоветского:

Книга написана очень обстоятельно: первая глава – история Средней Азии, вторая – история мусульманства, затем хроника революционных событий в этом крае и цитаты, цитаты. Цитаты из советских газет, из «Известий» и «Правды», цитаты из журнала «Новый Восток». На тридцати страницах я насчитал 12 цитат из «Правды», 8 – из «Известий», 6 – из «Нового Востока» и перестал считать дальше. И еще одна глава – большое письмо Нариманова. И вот конец. Слушайте: «Таково собрание фактов, характеризующих политическую и социальную историю басмачества с октября 1917 года по октябрь 1924 года. Ныне в Центральной Азии на месте Туркестанского края, Бухары, Хорезма возникли новые советские государства: Узбекская республика, Туркменская республика; автономные республики – Таджикская, Киргизская, Каракалпакская. Центральная Азия, истерзанная войнами, междоусобицами и прочими несчастьями, наконец, обрела свободу, покой и счастье». И далее идут строки о суверенных правах молодых республик, об объявлении национальных языков государственными, о развитии культуры и свободы под водительством Советской власти¹¹.

Тем не менее, и до, и после статьи Домбровского в советской историографии преобладала именно негативная оценка Кастанье и его книги:

Из работ иностранных авторов, имеющих отношение к английской агрессивной политике в Средней Азии, необходимо указать на опубликованную в Париже в 1925 году книгу «Басмачи» Кастанье, одного из наиболее опытных агентов французских империалистов на Востоке, ставшего после Октябрьской революции союзником английской агентуры в Средней Азии. Кастанье дает сведения об антисоветской деятельности британских разведчиков в Туркестане¹².

Еще:

Кастанье Ж. – еще до первой мировой войны находился в Ташкенте якобы на «археологических исследованиях». Прикрываясь составлением археологической карты Туркестана, он занимался шпионской деятельностью. В 1917–1919 гг. был связан с агентами английских шпионских миссий и активно участвовал в борьбе с Советской властью, в связи с чем ушел в подполье¹³.

Если в Советском Союзе книга Кастанье была под запретом, то в англоязычной науке она попросту была забыта. Она не была переведена на английский язык, что не удивительно¹⁴. Сочувственное отношение Кастанье к преобразованиям в Средней Азии никак не соответствовало английской политике в регионе.

В Лондоне, скорее, предпочли бы видеть в регионе Туркестанскую и Кокандскую автономии, Бухару и Хиву под английским протекторатом. Но Великобритания была уже не та, что до Первой мировой войны; на арену стремительно выходил другой мировой гегемон – США. Великобритания охладела к спонсированию повстанцев, сосредоточившись на решении политических задач в Индии и Афганистане, а США не поддерживали басмаческое движение и относились к нему достаточно безразлично.

Если предположить, что Кастанье два года, 1919 и 1920, провел в Ферганской долине, то он мог наблюдать за басмаческим движением изнутри. Времена были жестокие, нравы у повстанцев были крутые, но и борцы с басмачами были не мягче. Кастанье цитирует парижскую газету «Последние новости» от 30 августа 1924 года, рассказавшую о судьбе курбаши Бахрам-бека из окрестностей Самарканда, который был расстрелян большевиками в 1922 году, а его голова была отправлена в Ташкент и выставлена на одной из конференций Коммунистической партии Туркестана в сентябре того же года (если, конечно, «Последние новости» не фантазируют; найти же подтверждение этому в советских источниках просто нереально). Та же участь, по словам этой газеты, постигла курбаши Кари Камила, бывшего учителя из Самарканда. Его голова была отправлена на конференцию большевиков в Ташкент. Если верить «Последним новостям», это было не идеологическое мероприятие большевиков, а выставка трофеев «передовиков» борьбы с басмачами. Третьим экспонатом была голова заместителя бухарского курбаши Агзам Ходжи мингбаши (или юзбаши) Ходжи Хафиза. А новатором в этой «отчетности» выступил командир бухарского ополчения товарищ Рахимбаев, награжденный впоследствии орденом Красного Знамени.

Сами басмачи также отрезали головы как пленным, так и отступникам в собственных рядах. Кастанье рассказывает о судьбе одного из самых известных курбаши Ферганской долины – Мадамин-беке. После перехода на сторону Советов Мадамин-бек, обвиненный в измене его соперником Курширматом, был им убит. Произошло это во второй половине 1920 года. Однако Мадамин-бек был убит руками курбаши Холходжи. Голову Мадамин-бека басмачи Холходжи таскали на копье, пока и сам Холходжа не погиб под снежной лавиной, преследуемый красноармейцами. Курширмат только проявил коварство, пригласив перешедшего на сторону Советов Мадамин-бека для переговоров в составе небольшого красноармейского отряда под начальством ташкентца из семиреченских казаков комиссара Сергея Сухова. Мадамин-бек и Сухов пытались уговорить Курширмата и других курбаши сложить оружие, но были убиты. Предварительная договоренность об их казни уже существовала, и отряд просто был заманен в ловушку.

Показательно, что и Мадамин-бек, и Холходжа, и Курширмат, и Аман Палван, и Хамдан, и Иргаш, и Исламкул, и многие другие лидеры повстанцев до революции сидели по тюрьмам за уголовные преступления, в том числе и за убийства, но были освобождены по всеобщей амнистии после февральской революции. Обретя свободу, они сколачивали небольшие банды, облагали местное население данью

и взымали сборы за проезд по контролируемым ими дорогами – говоря современным языком, занимались обычным рэкетом. Не имевших уголовного опыта курбаши насчитывались единицы. Кастанье откровенно пишет про ферганского курбаши Ишмата Байбачи, что тот был одним из немногих курбаши, у которого не было дореволюционной судимости. Происходил он из богатой семьи, собрал отряд в четыреста человек и оперировал в районе Бешарыка, враждовал с Иргашем. По свидетельству Станишевского, курбаши Ишмат Байбача сдался в плен 27 августа 1923 года в Кокандском уезде.

Басмаческое движение было головной болью для ташкентского правительства. Единого фронта не было, восстания вспыхивали неожиданно в, казалось бы, глубоком тылу, оперативная обстановка менялась с калейдоскопической быстротой. Вчера еще верные кадры переходили на сторону басмачей. Менялась политика, объявлялись амнистии, и некоторые курбаши переходили на советскую сторону. Ташкентские большевики пытались проводить гибкую политику, это видно по тому, как часто отдельные отряды переходили к мирной жизни. Были и примеры «профессиональных перебежчиков», переходивших с одной стороны на другую в зависимости от текущих выгод.

Лучшие страницы книги Кастанье посвящены Энверу-паше (22 ноября 1881 – 4 августа 1922). Вся его биография соткана из легенд и версий. К чести Кастанье, он старается сохранять объективный подход, цитирует советские и несоветские газеты, публикует письма и манифесты Энвера-паши, воздерживается от эмоциональных оценок.

Едва избежав смерти на родине, Энвер-паша оказался в поверженной в Первой мировой войне Германии. Как отработанный политический материал он болтался на задворках генштаба в Берлине, пока не додумался посетить в печально известной тюрьме Моабит коминтерновца Карла Радека с планами придать «перманентной революции» исламский окрас. Радеку прожектерские теории понравились, и он решил порекомендовать Энвера-пашу московским большевикам. Вполне возможно, что Энвер-паша и Радек прибыли в Москву в январе 1920 года вместе.

Кастанье полагает, что ключевую роль в поддержке Советами Энвера-паши сыграл московский дипломат Лев Карахан (1889–1937): «Всемогущий в ту пору господин Карахан предоставил в его распоряжение в Москве отдельный особняк, реквизированный для нужд Наркомата иностранных дел».

На наш взгляд, Кастанье несколько преувеличивает роль Карахана в покровительстве Энвер-паше. С мая 1921 года Карахан уже являлся полпредом РСФСР в Польше. К тому же непонятно, как Карахан, этнический армянин, относился к теме геноцида турецких армян, одним из инициаторов которого был Энвер-паша. В последовавшей операции Москвы по ликвидации Энвера-паши были задействованы разведчик-чекист Георгий Агабеков и красный командир Яков Мелькумов, также этнический армянин, писавший, что он лично зарубил Энвера-пашу в бою под Бальджуаном. Возможно, в опеке Энвера-паши были задействованы советские чиновники помощнее Карахана.

Эпопея Энвера-паши в Восточной Бухаре не могла не окончиться бесславно. Столкнулись две деструктивные силы: красные, которые разрушали вековой уклад Бухарского эмирата, и турецкие эмиссары во главе с Энвером-пашой, которого больше интересовали не пантюркизм и панисламизм, а перехват власти. Одновременно с его военными неудачами приходило разочарование местного населения в этом «зяте Халифа». В итоге под Бальджуаном он остался во главе отряда, маломобильного из-за обоза с награбленным золотом, состоявшего из афганских наемников и турецких эмиссаров, и был разбит малочисленным отрядом красных. Не приходится сомневаться, что в случае успеха Энвер-паша не передал бы власть бывшему эмиру Саидалимхану и быстро бы расправился со всеми остальными курбаши и претендентами на власть, установив жесткую диктатуру.

После ликвидации Энвера-паши басмаческое движение пошло на спад, сохранившись какое-то время в Восточной Бухаре только в виде набегов с территории Афганистана.

Прошло почти сто лет, и вот впервые осуществлен русский перевод этой книги краеведом и переводчиком (родом из Ташкента) Анатолием Цапенко. В 2013 году (под псевдонимом «Анатолий Михайлов») он опубликовал перевод книги английского разведчика Фредерика Бейли «Миссия в Ташкент»¹⁵, а в 2019 году – книги несостоявшегося белого премьера Туркестана Павла Назарова «Погоня по Средней Азии»¹⁶, отрывки из которых были тогда же опубликованы на страницах «Востока Свыше»¹⁷.

Несомненно, книга Кастанье вызовет интерес у историков. Он был одним из первых, кто попытался описать постреволюционные исторические события в Средней Азии «по горячим следам», непосредственным свидетелем которых он был. И не просто описать, но и сохранить в своем труде непредвзятость и объективность. Это перо уже не туркестанского археолога, а французского историка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). – СПб.: ЭлекСис, 2011. С. 188.

² Бывший австрийский военнопленный, этнический серб, служивший в ЧК, агент Бейли.

³ Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент. – М.: «Языки славянской культуры», 2013. С. 90.

⁴ «Эта информация нашла подтверждение в книге Кастанье «Басмачи», изданной в Париже в 1925 году. В ней автор писал, что проходы между Ферганской и Сырдарьинской областями были заняты Красной армией, чтобы изолировать контрреволюционные элементы в Ташкенте от басмачей – сторонников Иргаша – в Коканде» (Бейли Ф.М. Цит. соч. С. 102–103).

⁵ Бейли Ф.М. Цит. соч. С. 340–341.

⁶ Ясенский Б. Человек меняет кожу. – М.: Худож. лит., 1969. С. 551–552.

⁷ Там же. С. 553–554

⁸ Домбровский Ю.О. Хранитель древностей // Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: в 8 т. [вышло 6 т.] / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. – М.: Terra, 1992–1993. – Т.3.1993. С. 28.

⁹ См.: Домбровский Ю.О. Кто же вы, Жозеф Кастанье? // Домбровский Ю.О. Собрание сочинений... Т.6. – 1992. С. 179–186.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Там же. С. 185.

Ефрем РЯБОВ. «И там Кастанье, и тут Кастанье...»

¹² *Бабаходжаев А.Х.* Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. – Ташкент: АН УзССР, 1957. С. 6.

¹³ *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. – М.: «Мысль», 1986. С. 225.

¹⁴ Относительно недавно книга Кастанье вышла на турецком языке под заголовком «Национально-

освободительное движение Туркестана» и с портретом улыбающегося Энвера-Паши на обложке. (Castagne J. Türkistan Milli Kurtuluş Hareketi. Istanbul: Bilge Kültür Sanat, 2015). (Прим. – *ВС.*)

¹⁵ *Бейли Ф.М.* Цит. соч.

¹⁶ *Назаров П.* Погоня по Средней Азии. Побег от ленинской тайной полиции. – [Б.м.]: Издательские решения: Ridero, 2019.

¹⁷ *ВС.* 2019. № 3–4 (LI). С. 41–50.